

БОЕВАЯ ХРОНИКА

РОМАНЫ О ПАМЯТНЫХ БОЯХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТИЛЕТ

1

Дувр, Англия

Сильные красивые женские руки поспешно разорвали конверт, и ветер тут же унес его.

Кэтрин прочитала несколько строк, на секунду подняла голову, поправила шлейф синей амазонки, сдвинула брови и снова погрузилась в чтение письма. Порыв ветра пронесся над темно-зеленой травой высокого мелового берега, растрепал гриву вороного коня по кличке Баярд и умчался к морю, катившему вниз серые волны в белых барашках пены.

«Дорогая Кэтрин, я не знаю, когда найдет тебя это письмо. Я поручаю его заботам капитана нашего военного судна, встреченного мной по пути в Татарию. Дело, которому я посвятил лучшие годы своей жизни, входит в самую решительную фазу. Ты хорошо знаешь, что от его успеха зависит вся наша будущность. Сейчас или никогда! Кэтрин, я верю, что Бог не оставит нас».

Новый порыв ветра выхватил письмо из рук девушки, оставил маленький уголок бумаги между ее большим и указательным пальцами. Подбросив листок вверх, ветер тут же снес его под обрыв, к морю.

Кэтрин свистнула, и Баярд широкой иноходью помчался к хозяйке. Он еще не успел остановиться, как

она взлетела в седло, дала шенкеля и понеслась вниз по склону.

Кэтрин ни на минуту не опустила голову, пытаясь удержать взглядом белый лист письма. Ее руки словно сами по себе умело направляли движение коня там, где это было необходимо.

Она выскочила на пляж и резко осадила Баярда. Письмо уже летело высоко над морем. Досада на мгновение перекосила энергичное лицо девушки. Кэтрин подняла Баярда на дыбы и снова с диким криком бросила его в галоп по самой кромке прибойя.

Черкесский аул, Кавказ

На дне земляной тюрьмы лежала большая охапка гнилой соломы. Федор Чиж сидел на ней и наигрывал на самодельной скрипке щемящий старинный мотив.

Немногочисленные ноты простой мелодии то собирались вместе, то разлетались куда-то далеко. Это была песня про любовь, ту самую горячую казацкую «любву», от которой разом закипает кровь и нет никому спасения.

Чиж вроде бы был полностью поглощен своим делом, но его полузакрытые глаза отчетливо увидели тень, мелькнувшую на стене зиндана. Он оборвал мотив и поднял голову вверх, к солнечному кругу.

По стене снова прошла тень, и к ногам Чижа упал конец веревки. От неожиданности он замер, потом осторожно подергал за нее и убедился в том, что она держалась крепко.

— Чего ждешь? — спросила девушка на черкесском языке и снова мелькнула у края как встревоженная птица.

Чиж вскочил на ноги, еще раз дернул за веревку, подвязал на пояс скрипку и быстро полез наверх, раскачиваясь и упираясь ногами в каменные стенки зиндана.

Веревка была привязана к двери амбара, стоявшего на краю аула. Глинобитные сакли этого селения укрывались плетеными изгородями, лепились по склону горы, расходились тремя узкими улицами в разные стороны. У коновязи, устроенной рядом с самым богатым и большим домом, перебирали копытами несколько лошадей. Чиж сразу заметил, что две из них были оседланы не так, как это делают черкесы.

Он мгновенно осмотрелся и только теперь увидел у изгороди молодую черкешенку. Представительницы этого народа славились своей красотой на весь Кавказ, но та девушка, которая сейчас стояла перед Чижом, гордо выпрямившись и глядя ему прямо в глаза, была просто ослепительна.

— Спасибо, сестра! — сказал Чиж и поклонился ей в ноги. Он говорил на кумыкском языке, который так или иначе понимали все жители Кавказа.

— Беги, Иван! Ты хорошо играл. Как замирился, приходи еще.

— Да исполнятся все желания твоей души! Как зовут тебя?

— Маликат.

— Я не забуду твоего имени! — сказал Чиж, еще раз поклонился, перепрыгнул через изгородь рядом с Маликат и растворился в высокой траве за саклями.

Федор Чиж был пластун, потомок запорожских казаков, переселенных Екатериной Великой на Кубань. Они сразу оценили все преимущества одежды и оружия местного населения и за полвека соседства с горцами стали почти неотличимы от них. Это, конечно, не казалось их чисто славянских лиц и родной речи. В бесконечных военных столкновениях обе стороны охотно перенимали и боевые приемы друг друга.

Пластуны выростали в плавнях, заболоченных притоках реки Кубань, которые являлись естественной границей их земель. Здесь они с детства учились бесшумно передвигаться, стрелять на «хруст» в свирепых кабанов, переполнявших заросли высоченного камыша, уходить от подранков, не бояться гнуса и жары летом, промозглого холода зимой. Эти навыки передавались от отца к сыну и постоянно использовались в настоящей боевой работе.

Чиж обходил аул по задам, двигаясь бесшумно, как большая кошка. Изредка он замирал, реагируя на малейший оттенок звука, который мог нести в себе опасность.

Неожиданно Чиж увидел то, что заставило его распластаться на земле. На крыше той самой большой сакли, у которой потряхивали богатыми уздечками лошади гостей, приехавших в аул, лежал человек. В руке у него был зажат кинжал, лезвие которого прикрывал широкий рукав черкески, чтобы предательский солнечный луч не блеснул на нем и не выдал охотника. Лицо человека было покрыто пылью, сзади за поясом из полотноной кобуры торчала изогнутая ручка персидского пистолета.

Увидеть этого воина, подготовившегося к нападению, можно было, пожалуй, только с одной точки, расположенной в стороне от аула, где и оказался Чиж. Но все равно это была ошибка, причина которой явно заключалась в недостатке опыта.

Был ли это пластун или кавказец, явившийся сюда, чтобы взять долг крови, понять отсюда было трудно. Чиж только покачал головой и подумал, не объелся ли белены этот «герой», который полез на такое дело среди белого дня. И что это все-таки за лошади со странными седлами? Чиж никак не мог припомнить, видел ли когда-нибудь такие.

Теперь он заметил и часового. Тот стоял на другой стороне сакли, прямо напротив места, где какой-то человек караулил на крыше свою жертву.

В это время дверь отворилась, и из нее вышел черкесский воин. Кроме кинжала, все его оружие, видимо, осталось в кунацкой — комнате для приема гостей. Там уже было шумно. Гул голосов на мгновение пропустила хлопнувшая дверь. Человек на крыше бесшумно перемкнулся и приготовился к прыжку.

Чиж теперь видел и движение часового, который вдруг решил обойти саклю кругом. Казак даже приподнялся, чтобы посмотреть на развязку этого дела. Все это ему было на руку потому, что назревала замятня, в которой до него, Федора Чижа, никому не было бы никакого дела.

В тот момент, когда черкес стал развязывать мотню на штанах, человек прыгнул с крыши. Федор увидел, как его кинжал вошел за ключицу воину по самую рукоятку еще в тот момент, когда он только падал на землю. Убийца еще в прыжке успел зажать черкесу рот

и покатился с ним на землю, так что часовой, находившийся уже шагах в двадцати от места событий, за углом сакли, ничего не услышал. Человек с крыши что-то быстро срезал с руки черкеса, поднял голову и прислушался.

Чиж наконец-то рассмотрел черты его лица, огляделся, сорвал с пояса скрипку и кинул ее в сторону часового. Она ударилась о камень у него за спиной, жалобно тренькнула всеми струнами и отскочила в кусты. Часовой остановился, обернулся, с удивлением посмотрел по сторонам, но ничего не заметил.

В это время человек с крыши выскочил из-за сакли и побежал вниз по склону. Ему не хватило всего нескольких шагов, чтобы уйти из поля зрения часового, который все-таки заметил его краем глаза.

Часовой мгновенно вскинул винтовку, приложился и выстрелил. С головы человека, напавшего на черкеса, слетела папаха, сам он опрокинулся, но тут же вскочил и бросился дальше, вниз по склону.

Чиж подался в противоположную сторону и исчез.

На выстрел из сакли выскочили люди. Первым был воин огромного роста с длинным кинжалом в руке. Часовой подбежал к нему, указал на труп и ткнул рукой в ту сторону, куда убежал убийца. Здоровяк склонился над телом и приподнял его правую руку. На месте большого пальца зияла кровоточащая рана.

Воина, сейчас державшего в своей руке руку жертвы человека с крыши, звали Али. На его большом пальце было видно массивное медное кольцо, почти вросшее в плоть. Видимо, за таким же и приходил убийца.

Али выпрямился и сказал воинам, обступившим его:

— Это русский. Из пластунов. Пойдет к плавням!

Черкесы уже разгоняли лошадей и прыгали в седла, когда из сакли вышел черкесский князь, господин этих мест. За ним держался стройный европеец с льдистыми голубыми глазами.

Проводив взглядом погоню, он обернулся к князю и очень чисто сказал по-черкесски:

— Пусть Бог повернется к вашим делам правой стороной!

Европеец вскочил в седло и направил коня в сторону, противоположную той, куда с гиканьем и свистом умчалась погоня. В его прозрачных глазах светилась радость, бесконечная, как небо.

Черкесская погоня рассыпалась по склонам, отсекая беглеца от плавней. Время от времени Али поднимал руку. Тогда все останавливались и прислушивались, но кроме шелеста деревьев и недалекого кваканья лягушек ничего не могли разобрать.

Человек с крыши, которому при ближайшем рассмотрении нельзя было дать больше шестнадцати лет, уходил от черкесов быстро и бесшумно, словно просачиваясь между кустами и деревьями. Ногу он ставил с пятки на носок и мгновенно переносил вес тела, если под ступню попадала сухая ветка. Человека этого звали Яков. Он был единственным сыном есаула казачьего кубанского войска Григория Били.

Яков выскочил к небольшому озерцу и в ужасе замер. Лягушачий хор при его приближении начал заметно затихать.

На другой стороне озера, на склоне горы Али и его хеджреты сразу остановили коней. Али поднял ру-

ку и прислушался. Хор лягушек явно становился все слабей.

Яков замер и вдруг издал мастерское кваканье. Лягушачий хор радостно возобновил свои песни, но было уже поздно. Опытное ухо Али уловило этот перебой. Черкесы снова пустили коней и стали обходить озеро с обеих сторон.

Лошадиное копыто сбило росу с травы, едва не задев Чижа, который лежал на боку под кустами и доплетал из коры некое подобие веревки. Он пропустил всадника, вскочил на ноги и бросился по гребню склона ему наперерез. Чиж выбрал нужную точку и с ходу прыгнул на круп лошади черкеса. Накинув ему на шею веревку, он мгновенно задушил его. Казак сбросил всадника с седла и помчался вслед за остальными черкесами.

Яков уже слышал слева и справа от себя треск кустов, сминаемых черкесскими всадниками, когда перед ним открылась небольшая поляна. Примерно в версте за ней в просветах между деревьями блеснула излучина Кубани. Опытный пластун никогда не рискнул бы в такой ситуации выскочить на открытое пространство, но Якову было всего шестнадцать лет, и он решил, что успеет.

Пластун сделал рывок по высокой росистой траве, оставляя за собой серебристую примятую дорожку. С обеих сторон поляны тут же показались черкесы, и над их головами зажужжали узкие полоски шашек.

Теперь Якову оставалось только дорого продать свою жизнь. Он встал на колено, выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в ближайшего всадника. Черкес тяжело покачнулся и рухнул на траву.

Яков выхватил кинжал и бросился к краю поляны, стараясь любой ценой уйти с открытого пространства. Всадники были уже рядом. Мелькнула шашка, удар которой, нанесенный опытной рукой, легко разваливал человеческое тело наискосок — от плеча до поясницы.

Яков неуловимым движением ушел от атаки, прокатился по земле и оказался под лошадью, наскочившей на него. Он по самую рукоятку всадил кинжал под седло, одновременно срезая подпругу. Этот удар когда-то показал ему отец. Лошадь даже не заржала, а издала почти человеческий вопль отчаяния и боли. Она сначала встала на дыбы, а затем рухнула на колени, стряхнув в траву своего седока.

Яков едва успел проскочить на другую сторону, но здесь его снова встретил удар. На этот раз шашка снесла с его плеча вместе с тканью и лоскут кожи. Бежать Якову больше было некуда.

Всадники кружили вокруг него и по команде Али убрали шашки, решив взять его живым. Вдруг одного из черкесов бросило в сторону — его лошадь испугалась агонии той, которую убил Яков.

Пластун мгновенно сделал движение в сторону свободного пространства, открывшегося для него, но от туда на него уже несся еще один черкес, видимо, оставший от погони. Этот всадник вдруг одной рукой подхватил Якова с земли и закинул за собой на круп лошади. Все это произошло настолько неожиданно, что Чиж — а это был он — успел скрыться в зарослях, окружающих поляну, прежде чем черкесы что-либо поняли.

Когда они снова устремились в погоню, из леса грянул выстрел и сбил одного из них в траву. Черкесы от-

сочили на другую сторону поляны и скрылись в лесу, начиная обходить беглецов справа.

Али взвел тугой курок на своей винтовке тем самым кольцом на большом пальце, которое и казаки, и абреки носили всю жизнь. Оно так и называлось — «взводное». Али привстал в седле, замер и, несмотря на бешеную скорость его вороного коня, выстрелил. Тяжелая медная пуля срезала ветку над головой Чижа.

Он оскалился от напряжения и, не поворачивая головы, выкрикнул:

— В плавни вскочим, разделимся. Я спрыгну и уведу их, а ты на Настину протоку жарь, но дай круга на Ржавый мыс. Я их перейму!

— Понял, Федор Семенович!

— Кинжал дай мне! — снова прокричал Чиж.

Расстояние между преследователями и пластунами стремительно сокращалось. Новая пуля разорвала луку седла, содрала кожу с шеи коня и ударила в ствол дерева. Конь дернулся было вправо, но умелая рука Чижа мгновенно бросила его обратно на тропу.

— Куда, анафема черкесская!

Чиж и Яков наконец-то влетели в плавни, и перед ними стали разбегаться большие и малые тропы. Чиж выбрал самую широкую из них, уходящую по большой дуге влево, и тут же спрыгнул на ходу в самые заросли. Яков забрал поводья, дал шенкеля, и конь, которому стало намного легче, рванул вперед.

Черкесы успели заметить, куда в этом лабиринте направил своего коня Яков, и погнались за ним. Изпод копыт лошадей теперь летели комья жидкой грязи, покрывая спины всадников черной коркой.

Чиж бежал через камыши по прямой, обрезая дугу. Он быстро оказался далеко впереди Якова и погони за ним. Чиж вытащил кинжал и стал быстро подрезать лозу дикого винограда, оплетающую невысокие кусты, растущие у края тропы.

Ни пластуны, ни черкесы не подозревали, что их прекрасно видел человек, сейчас сидящий на дереве, в люльке из ветвей, сплетенных между собой. Его звали Емельян Вернигора, и он смотрел на происходящее через прицел своего литтихского штуцера. Это было лучшее для своего времени нарезное оружие, произведенное на бельгийских заводах.

Тем временем Яков проскочил то место, около которого Чиж резал лозу, и мгновенно ушел за поворот тропы. Чуть в стороне, невидимый для Али и его людей, встал на одно колено Чиж. Вместе с ним с тропы поднялись и перегородили ее на уровне лошадиного колена виноградные лозы, спутанные между собой. Чиж мгновенно обмотал их вокруг пня, взял концы в руки, сел рядом и уперся ногами. Страшная сила тут же рванула его вперед, и на тропе закувыркались черкесские лошади, сбрасывая седоков в грязь.

Не успел Чиж бросить лозу и откатиться в заросли, как раздался далекий выстрел. Штуцерная пуля разнесла череп черкеса, который пытался успокоить и вывести из толчеи коня.

Вернигора закинул дымящийся штуцер за спину, слетел с дерева и побежал, на ходу доставая новый патрон из газыря.

Засада, которую организовал для черкесов Чиж, все-таки не смогла уберечь Якова от погони. Пуля ударила в заднюю ногу его коня, перебила сухожилия, вто-

рая попала в шею. Он на всем скаку перевернулся через голову, свалился на бок, придавил седока и забился в агонии. Яков с отчаянной силой пытался освободить ногу из стремени, но от резкой боли у него вдруг потемнело в глазах.

Когда мрак прошел, черкесы уже спокойно спешивались, решив, видимо, взять Якова живым. За такого молодца родители не пожалели бы огромного выкупа.

Плавни за спиной у Якова зашевелились, заставив замереть его и черкесов. Вместе с Вернигорой, на ходу примыкая штыки к штуцерам, на помощь Якову бежали его отец Григорий Биля и Николай Кравченко.

Появившись на тропе, пластуны тут же заняли батальное положение: они сомкнулись, Вернигора опустился на колено, а Биля и Кравченко остались стоять, мгновенно вскинув штуцера. Залп выхватил трех человек из толпы хеджретов, породив в ней смятение скоростью, с которой все это произошло.

Пластуны мгновенно ушли с тропы в камыши на перезарядку. Скорость, с которой они вогнали новые пули в стволы, поразила бы воображение каждого, кто попытался бы это сделать вслед за ними.

Прежде чем черкесы начали спешиваться, еще три пули поразили цели. От черкесского отряда осталось чуть больше половины. На каждого пластуна приходилось теперь четверо, но они мгновенно бросились вперед и ударили в штыки.

Где-то вдалеке раздался пушечный выстрел, и тут же зазвучал набат.

Али и его черкесы с визгом, раскручивая шашки над головой, бросились навстречу пластунам. Завязался ру-

копашный бой, всегда распадающийся на отдельные поединки.

Биля сразу оказался перед Али. Казак почти не уступал черкесу в росте, но был легче и подвижней. Первым же движением штыка он выбил шашку из рук черкеса, но тот легко увернулся от второго и одним движением могучей руки вырвал штуцер у пластуна. В руках Али блеснуло лезвие его любимого оружия — пистолета, ствол которого завершался коротким треугольным клинком. Выстрел не достал Билю. Каким-то почти сверхъестественным образом он ушел в сторону и вниз. Но Али успел сбить его с ног и подмять под себя. Клинок медленно, но неотвратно пошел к горлу казака.

Кравченко успел заколоть штыком одного из трех черкесов, нападавших на него, но его сильно теснили двое других. Туго пришлось и Вернигоре, который тоже дрался с тремя противниками.

Клинок Али уже почти достиг горла Били, но тому все-таки удалось отбросить от себя черкеса. Он откатился в сторону, вскочил и достал из-за спины странное оружие, вид которого на мгновение привлек внимание Али.

Это был пистолет с очень широкой средней частью и взводным курком, расположенным не сбоку, как обычно, а где-то сзади. Посередине в этом невиданном оружии вдруг что-то повернулось, и раздался резкий звук выстрела.

Пуля с огромной силой отбросила Али назад. Под выстрелами Били тут же упали еще трое черкесов, нападавших на Вернигору и Кравченко. Остальные резко подались назад. Биля убрал револьвер обратно в кобуру за спиной, поднял свой штуцер, откатился назад и залег за убитым конем Якова.

Не говоря ни слова сыну, Билиа перезаряжался, когда рядом с ним упали на землю Кравченко и Вернигора, залитые своей и чужой кровью. Пластуны вгоняли пули в штуцера, поглядывая в сторону черкесов. Но те уже подались назад, поднимали с земли свое оружие, вскакивали в седла и уходили врассыпную в сторону гор.

Али змеей быстро уползал в камыши. Через прореху в его одежде, пробитую на плече, была видна тончайшей работы кольчуга, которую заливала кровь.

На поле боя теперь оставались только несколько тяжело раненных черкесов.

Пластуны освободили Якова, но опереться на ногу он не мог, резкая боль пронзала лодыжку и колено.

— Батя, нога!

Из кустов с противоположной стороны поляны появился Чиж, мокрый до нитки.

Это обстоятельство, видимо, нисколько не испортило ему настроения, потому что он сразу же довольно весело прокричал:

— Ахти мне, не успел!

— Федя, где купался? — совершенно спокойно спросил его Кравченко.

— Недосуг баять, Николай Степанович!

— Они с Яшкой вместе бежали. Я их с дерева, из залоги, видел, — тихо сказал Вернигора Биле, который своей могучей рукой поддерживал Якова.

— Сиди пока, — бросил отец сыну.

Тем временем Чиж быстро, но осторожно двигался по полю боя. Раны у черкесов были тяжелые, но лекари горцев в то время умели больше, чем медики так называемых «просвещенных» стран. Кавказ не знал ампута-